

Тэн Ипполит Адольф

**Происхождение современной
Франции**

Том 1

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
И76

И76 **Ипполит Адольф Т.**
Происхождение современной Франции: Том 1 / Тэн Ипполит Адольф – М.:
Книга по Требованию, 2022. – 297 с.

ISBN 978-5-519-78089-6

ISBN 978-5-519-78089-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Что такое современная Франція? Чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, нужно знать какъ развилась эта Франція или, что еще лучше, присутствовать въ качествѣ зрителя при ея образованіи. Въ концѣ XVIII вѣка она, подобно наѣзжому, которое линяетъ, претерпѣла метаморфозу. Ея прежняя организація разлетѣлась во прахъ; она сама разрываетъ самыя драгоцѣнныя ткани этой организаціи и падаетъ въ судорогахъ, важащихся смертельными. Затѣмъ, послѣ метаній въ разныя стороны и тяжелой летаргіи, она возрождается. Но ея организація уже не та: путемъ глухой внутренней работы, новое существо замѣнило старое. Въ 1808 году всѣ ея главныя черты уже окончательно опредѣлились: департаменты, округа, кантоны и общины, ничто съ тѣхъ поръ не измѣнилось въ ея дѣленіяхъ и вышнихъ связяхъ: Конкордаты, сводъ законовъ, суды, университеты, институты, префекты, государственныя совѣты, налоги, сборщики, счетная палата, единообразное и централизованное управленіе, его главныя органы еще тѣ же; дворянство, мѣщанство, рабочіе классы, крестьяне, у каждаго класса отнынѣ положеніе, интересы, чувства, традиціи тѣ самыя, которые мы видимъ и въ настоящее время. Такимъ образомъ новое существо сразу становится устойчивымъ и вполне развитымъ; его устройство, его институты опредѣляютъ заранѣе кругъ, въ которомъ будутъ вращаться его мысль и дѣятельность. Вокругъ него, другія націи, однѣ осторожныя, другія отсталыя, каждая съ большою осторожностью, нѣкоторыя съ лучшимъ успѣхомъ осуществляютъ то же измѣненіе, путемъ котораго переходятъ отъ феодальнаго существованія къ современному; развитіе становится всеобщимъ и почти одновременнымъ. Но при этой новой формѣ, какъ и при старой, слабый по прежнему является жертвой сильнаго. Горе тѣмъ, медленное развитіе которыхъ отдаетъ ихъ сосѣду, освободившемуся рапѣе изъ своей куколки и ставшему вполне готовымъ къ борьбѣ! Горе также тому народу, слишкомъ быстрое и внезапное развитіе котораго нарушило равновѣсіе внутренней экономической жизни и который въ силу чрезмѣрности руководящаго аппарата, вслѣдствіе измѣненія его коренныхъ органовъ и постепеннаго уменьшенія живительной субстанции осужденъ на безразсудства, на тщедушіе, на безсиліе среди своихъ болѣе здоровыхъ и болѣе пропорціонально развитыхъ сосѣдей! Въ организаціи создавшейся во Франціи въ началѣ вѣка всѣ главныя линіи ея исторіи были уже намѣчены, политическія революціи, социальныя утопіи, раздѣленія классовъ, роль церкви, поведение дворянства, буржуазіи и народа, развитіе, направленіе или уклоненіе философіи, литературы и искусства. Вотъ почему, когда мы хотимъ понять наше современное положеніе, взоры наши непременно обращаются къ ужасному и вмѣстѣ плодотворному кризису, посредствомъ котораго старый порядокъ породилъ революцію, а революція—новый порядокъ.

Старый порядокъ, революція, новый порядокъ,—я постараюсь точно описать эти три состоянія. У меня хватаетъ даже смѣлости объявить, что я не имѣю никакой другой цѣли; вѣдь можетъ же историкъ относиться къ своей задачѣ, какъ натуралистъ; я смо-

трѣлъ на свою тему, какъ на метаморфозу насѣкомаго. Къ тому же, событіе настолько интересно само по себѣ, что стоитъ потратить время на его наблюденіе, и пѣтъ нужды стремиться исключить заднія мысли. Освобожденное отъ всякой пристрастности любопытство становится научнымъ, и цѣликомъ стремится къ тѣмъ скрытымъ силамъ, которыя руководили удивительнымъ событіемъ. Силами этими являются: положеніе, страсти, идеи, желанія каждой группы, и мы можемъ распутать, даже почти измѣрить ихъ. Они предъ нашими глазами; намъ не нужно пускаться въ догадки, въ сомнительныя предположенія, мы можемъ наблюдать самихъ людей, ихъ внутреннюю и внѣшнюю жизнь. Французы стараго строя еще у насъ на глазахъ. Каждый изъ насъ, въ своей юности, могъ посѣщать этихъ пережитковъ исчезнутаго міра. Нѣкоторые изъ отелей еще существуютъ и теперь вмѣстѣ съ апартаментами и мебелью. При помощи ихъ картинъ и вѣстанповъ мы можемъ прослѣдить ихъ домашнюю жизнь, мы видимъ ихъ одежду, ихъ манеры, ихъ жесты. Съ помощью ихъ литературы, ихъ философіи, ихъ наукъ, ихъ газетъ и ихъ переписки мы можемъ возстановить весь ходъ ихъ мыслей, до дружеской бесѣды включительно. Огромное число мемуаровъ, вышедшихъ изъ общественныхъ и частныхъ архивовъ за тридцатилѣтній періодъ, вводитъ насъ въ разные салоны, какъ если бы мы были повсюду знакомы. Письма и дневники иностранныхъ путешественниковъ провѣряютъ и дополняютъ своими безпристрастными картинами тѣ портреты, которые это общество выдавало за свои. Оно все сказало о самомъ себѣ, за исключеніемъ лишь того, что считало неинтереснымъ для современниковъ, за исключеніемъ того, что казалось техническимъ, скучнымъ и ничтожнымъ, за исключеніемъ того, что касалось провинціи, буржуазіи, крестьянина, рабочаго, администраціи и хозяйства. Я хотѣлъ пополнить эти пропуски и узнать всю Францію, а не только маленький кружокъ хорошо воспитанныхъ и образованныхъ французовъ. Благодаря любезности г. Мори и драгоценнымъ указаніямъ г. Бутарика, я могъ перелистать массу рукописныхъ документовъ, переписку огромнаго числа интендантовъ, директоровъ, откупщиковъ, генераловъ, судей, должностныхъ и частныхъ лицъ всякаго рода на протяженіи послѣднихъ тридцати лѣтъ существованія стараго порядка, рапорты и мемуары о различныхъ частяхъ королевскаго дома, протоколы и записки Генеральныхъ Штатовъ въ ста семидесяти шести томахъ, переписку военныхъ начальниковъ отъ 1789 и 1790 гг., письма, воспоминанія и подробныя статистическія данныя духовнаго комитета, корреспонденцію въ девяносто четырехъ связкахъ департаментскихъ управленій и муниципалитетовъ съ министрами отъ 1790 до 1799 года, рапорты государственныхъ совѣтниковъ, посылаемыхъ съ различными миссіями въ 1801 г., переписку префектовъ въ эпоху Консульства, Имперіи и Реставраціи до 1823 г., большое число другихъ замѣтокъ, столь интересныхъ и столь неизвѣстныхъ, что поистинѣ можно сказать, что исторія Революціи кажется еще неизданной. По крайней мѣрѣ только эти документы рисуютъ намъ живые образы мелкихъ дворянъ, провинціальныхъ священниковъ, монаховъ и монахинь, адвокатовъ, старшинъ и го-

рожанъ, деревенскихъ судей и синдиковъ, рабочихъ и ремесленниковъ, офицеровъ и солдатъ. Только благодаря имъ мы можемъ видѣть поблизи, со всѣми подробностями образъ поведенія людей, внутренность пресвитерскаго дома, монастыря, городского совѣта, познакомиться съ заработной платой поденщика, съ производительностью поля, съ податнымъ обложеніемъ крестьянина, ремесломъ сборщика, расходами помѣщика или црелата, съ бюджетомъ, съ образомъ жизни и церемоніаломъ двора. Благодаря имъ мы можемъ назвать точныя цифры, знать часъ за часомъ распредѣленіе дня, даже болѣе, перечислить блюда на большомъ обѣдѣ, возстановить парадный туалетъ. Мы имѣемъ, кромѣ того, приколотыми на бумагѣ и расположенными по числамъ образчики платьевъ королевы Маріи-Антуанетты; съ другой стороны, мы можемъ представить себѣ одежду крестьянина, описать его хлѣбъ, назвать сорта муки, изъ котораго онъ пекся, и вычислить до послѣдняго сантима, сколько ему стоитъ фунтъ. Съ такими ресурсами становишься почти современникомъ людей, исторію которыхъ пишешь и неразъ въ Архивахъ, пробѣгая пожелтѣвшіе листки съ ихъ стариннымъ почеркомъ, у меня являлось искушеніе заговорить громко съ этими людьми.

Мантонъ-Сэнъ-Бернаръ. Августъ, 1875 г.

СТАРЫЙ ПОРЯДОКЪ.

КНИГА ПЕРВАЯ

Строеніе общества.

ГЛАВА I.

Происхожденіе привилегій. — I. Заслуги и вознагражденіе духовенства. — II. Заслуги и вознагражденіе дворянъ. — III. Заслуги и вознагражденіе короля.

Въ 1789 году три рода лицъ—духовные, дворяне и король, занимали въ государствѣ первенствующія мѣста, пользуясь всѣми преимуществами, предоставляемыми имъ, властью, богатствомъ, почестями или, по крайней мѣрѣ, привилегіями, исключеніями, милостями, пенсіями, преимуществами и прочимъ. Если они въ продолженіе долгаго времени занимали это мѣсто, то значить, что они давно его заслужили. Въ самомъ дѣлѣ, путемъ колоссальнаго вѣкового усилія, они постепенно воздвигли три главныхъ устоя современнаго общества.

I.

Изъ трехъ этихъ устоевъ самымъ прочнымъ и самымъ древнимъ было созданіе духовенства: въ продолженіе двѣнадцати вѣковъ и болѣе оно трудилось въ качествѣ архитектора и въ качествѣ сапера, сперва одно, затѣмъ почти одно. Въ началѣ, во время первыхъ четырехъ вѣковъ, оно создало религію и церковь: взвѣсимъ два эти слова, чтобы понять все ихъ значеніе. Съ одной стороны, въ мірѣ, жившемся на завоеваніи, жестокомъ и холодномъ какъ стальная машина, осужденномъ благодаря своему строю отнимать у своихъ подданныхъ всякую охоту къ дѣятельности и всякое желаніе къ жизни, оно возвѣстило „благую вѣсть“, обѣщало „царство Божіе“, проповѣдывало нѣжную покорность Отцу Небесному, внушало терпѣніе, кротость, смиреніе, самоотреченіе, помощь ближнему, указало единственный выходъ, чрезъ который

задыхающійся человекъ могъ вдохнуть свѣжей воздухъ и увидѣть просвѣтъ: вотъ религія. Съ другой стороны, въ государствѣ мало-по-малу вымиравшемъ, разлагавшемся оно создало живое общество, руководившееся дисциплиной и закономъ, объединенное одною цѣлью и доктриной, поддерживаемое преданностью вождей и послушаніемъ вѣрныхъ, единственное, которое было въ состояніи выдержать потокъ варваровъ, хлынувшій чрезъ всѣ бреши разрушавшейся Имперіи: вотъ церковь. На этихъ двухъ первыхъ основахъ духовенство продолжало строить и пачиная съ нашествія варваровъ, въ продолженіе болѣе чѣмъ пяти вѣковъ, оно спасаетъ все что можно еще спасти отъ человѣческой культуры. Оно идетъ навстрѣчу варварамъ или приобретаетъ ихъ расположеніе тотчасъ же послѣ ихъ вступленія; услуга огромная; будемъ судить о ней по одному факту: въ Великобританіи ставшей латинской какъ и Галлія, по завоеватели которой въ продолженіе полутора вѣковъ оставались язычниками,—искусства, промышленность, общество, языкъ все было разрушено; отъ подавленнаго и бѣгло народа, не осталось ничего кромѣ рабовъ; ихъ слѣды нужно угадывать; низведенные на стень вьючныхъ животныхъ, они исчезаютъ изъ исторіи. Такова была бы сульба Европы, если бы духовенство не приобрѣло быстро въ свою пользу жестокихъ дикарей, которымъ она принадлежала.

Обращенный германецъ дрожалъ отъ страха какъ передъ колдуномъ, видя передъ собою епископа въ золоченой митрѣ, монаха „одѣтаго въ зѣбриныя шкуры, худого, покрытаго грязью и пятнами гни, чѣмъ хамелеонъ“. Въ спокойные часы послѣ охоты или пьянства, смутное понятіе о чемъ то таинственномъ и грандіозномъ, неопредѣленное чувство неувѣдомой справедливости, пробужденіе совѣсти, случавшееся уже въ лѣсахъ по ту сторону Рейна, пробуждалась въ немъ въ видѣ внезапнаго безпокойства, какихъ-то грозныхъ полувидѣній. Въ моментъ ограбленія святилища онъ задавалъ себѣ вопросъ не упадетъ ли онъ на порогъ сраженный ударомъ съ перехваченнымъ горломъ. Убѣжденный собственнымъ смущеніемъ, онъ останавливается, шадить землю, деревню, мѣстечко, которыя живутъ подъ охраной священника. Если вспышка животнаго гнѣва или первобытной жадности толкала его на преступленіе, на грабѣжъ, то позже, послѣ насыщенія въ дни несчастья или болѣзни, по настоянію своей сожигательницы или жены, онъ возвращаетъ въ два раза, въ десять разъ, въ сто разъ награбленное имъ, онъ расточаетъ дары и жертвы. Такимъ образомъ повсюду духовенство охраняетъ и увеличиваетъ число своихъ убѣжищъ для побѣжденныхъ и угнетенныхъ. Съ другой стороны, среди вождей съ длинными волосами, наряду съ королями облаченными въ мѣха, епископъ въ митрѣ, аббатъ съ тонзурой на головѣ присутствуютъ на совѣтахъ; они одни владѣютъ перомъ и умѣютъ спорить. Секретари, совѣтники, теологи, они принимаютъ участіе въ изданіи эдиктовъ, въ управленіи государствомъ, трудятся, чтобы ввести немного порядка въ колоссальный безпорядокъ, стараются сдѣлать законъ болѣе разумнымъ и болѣе человѣчнымъ, стремятся создать и поддержать благочестіе, просвѣщеніе, сира-

ведливость, собственность и въ особенности бракъ. Несомнѣнно что ихъ вмѣшательство воспрепятствовало Европѣ превратиться въ монгольскую монархію. До конца двѣнадцатаго столѣтія духовенство вліяло на князей, обуздывая въ нихъ и въ ихъ окружающихъ грубые аппетиты, возмущеніе плоти и крови, рецидивы и припадки непреодолимой дикости, разрушавшей общество. Въ то же время въ своихъ церквахъ и въ своихъ монастыряхъ оно хранило древнія пріобрѣтенія человѣческаго рода, латинскій языкъ, христіанскую литературу и богословіе, часть литературы и наукъ языческихъ, архитектуру, скульптуру, живопись, искусство и промышленность, служившіе для процвѣтанія культа, промышленности, болѣе драгоценную, которая кормитъ человѣка, одежду и жилище, особенно же лучшую изъ всѣхъ людскихъ пріобрѣтений и наиболѣе противную бродячему характеру лѣниваго варвара грабителя, я хочу сказать, привычку и любовь къ труду. Въ деревняхъ, обезлюденныхъ римскимъ фискомъ, возмущеніемъ Багодовъ, нашествіемъ германцевъ, набѣгами разбойниковъ, бенедиктинскій монахи строятъ изъ пѣтвей свою хижину среди сосенъ; вокругъ него огромное пространство нѣкогда культурное является теперь запущенными пустырями. Вмѣстѣ съ своими товарищами онъ обрабатываетъ вновь землю, приручаетъ полудикихъ животныхъ, устраиваетъ ферму, мельницу, кузницу, очагъ, мастерскія для изготовленія обуви и платья.

Согласно своему уставу, онъ ежедневно читаетъ въ продолженіе двухъ часовъ, семь же часовъ тратитъ на ручной трудъ и соблюдаетъ самую строгую умѣренность въ пищѣ и питіи. Благодаря своему разумному добровольному труду, исполняемому добросовѣстно, онъ производитъ больше, чѣмъ простой мірянинъ. Благодаря же скромному, сдержанному образу жизни онъ потребляетъ меньше, чѣмъ мірянинъ. Вотъ почему тамъ, гдѣ мірской человѣкъ потерпѣлъ неудачу, онъ не только существуетъ, но даже процвѣтаетъ. Онъ собираетъ угнетенныхъ, кормитъ ихъ, даетъ имъ работу, заставляетъ ихъ вступать въ бракъ; пищіе, бродяги, бѣглецы крестіане собираются къ его алтарю. Постепенно ихъ стоянка превращается въ деревню, затѣмъ въ посадъ: человѣкъ начинаетъ работать, какъ только можетъ рассчитывать на жатву, и становится отцомъ семейства, когда считаетъ себя въ состояніи прокормить дѣтей. Такъ образуются новые промышленные земледѣльческіе центры, которые въ свою очередь становятся новыми центрами населенія *).

Къ хлѣбу тѣлесному присоедините еще хлѣбъ духовный, не менѣе необходимый; такъ какъ вмѣстѣ съ пищей пужно дать еще человѣку желаніе жить или, по крайней мѣрѣ, покорность, помогающую ему выносить жизнь, и поэтическую или трогательную мечту, которая замѣняетъ ему отсутствующее счастье. До середины XIII столѣтія это доставлялось человѣку почти исключительно ду-

*) Polyptique d'Irminon, Герара. По статистическимъ даннымъ Герара крестіане Палезо, во времена Карла Великаго, пользовались тѣмъ же достаткомъ, какъ и теперь.

ховенствомъ. Своими безчисленными легендами о святыхъ, своими соборами и ихъ архитектурой, своими статуями и ихъ выраженіемъ, своими богослуженіями и ихъ еще прозрачнымъ смысломъ духовенство сдѣлало доступнымъ понятіе о „Царствѣ Божіемъ“ и воздвигло идеальный міръ на границѣ міра реальнаго, какъ великолѣпный золотой куполъ на вершинѣ нищенской хижины *). Въ этотъ кроткій божественный міръ укрывалось скорбящее сердце, алчущее нѣжности. Здѣсь гонители падали сраженные невидимыми ударами; дикія животныя становились кроткими; лѣсные олени приходили каждое утро, чтобы запречься въ телѣгу святыхъ; лугъ расцвѣталъ для нихъ, какъ новый Рай; они умирали только когда того хотѣли. Въ то же время они утѣшаютъ людей; доброта, благочестіе, всепрощеніе источаютъ ихъ уста, какъ небесную сладость; воздѣвъ къ небсамъ очи, они видятъ Бога и безъ усилий, точно во снѣ возносятся къ свѣту, чтобы сѣсть одесную Его. Божественная легенда имѣла неопредѣлимые достоинства въ эпоху царства грубой силы, когда, чтобы переносить жизнь, необходимо было воображать себѣ другую и видѣть ее духовными очами столь же ясно, какъ первую очами тѣлесными. Въ продолженіе болѣе чѣмъ двѣнадцати вѣковъ духовенство питало ею людей и по величинѣ награды можно судить о глубинѣ благодарности; ихъ папы въ продолженіе двухсотъ лѣтъ были диктаторами Европы. Духовенство устраивало крестовые походы, развѣчивало королей, раздавало государства. Его епископы и аббаты здѣсь становились князьями и владыками, тамъ — покровителями и истинными создателями династій. Духовенство держало въ своихъ рукахъ половину доходовъ, треть земель, двѣ трети всѣхъ капиталовъ Европы. Не думайте, что человѣкъ бываетъ признателемъ безъ причины и даетъ безъ достаточныхъ мотивовъ; онъ слишкомъ для этого эгоистиченъ и слишкомъ завистливъ. Какое бы ни было учрежденіе, духовное или свѣтское, какое бы ни было духовенство, буддистское или христіанское, современники, сохраняющіе его въ продолженіе сорока поколѣній, не могутъ быть дурными судьями; они не отдадутъ ему своего добра и своихъ богатствъ иначе, какъ за равное количество оказанныхъ услугъ, и чрезмѣрностью ихъ преданности можно измѣрить колоссальность его благодѣянія.

II.

До сихъ поръ противъ силы разбойниковъ не было другого исхода, кромѣ убѣжденія и терпѣнія. Государства, которыя по примѣру древней Имперіи пытались возвыситься до крѣпкихъ зданій и противопоставить оплотъ непрерывному нашествію, не могли удержаться на колеблющейся почвѣ; послѣ Карла Великаго все распалось. Со времени битвы при Фонтенѣи войновъ нѣтъ; въ продолженіе полустолѣтія шайки изъ четырехъ-пяти сотъ разбойниковъ безнаказанно убивали, жгли, опустошали всю страну. Но именно

*) Съ VI по X вѣкъ Болландистами собрано двадцать пять тысячъ житій святыхъ.

въ этотъ моментъ разложенія государства появляется военное сословіе. Каждый маленькій вождь прочно укрѣпился въ области занимаемой или удерживаемой имъ. Онъ вполне владѣетъ ею, какъ собственностью. Это его графство или посадъ, гдѣ онъ не отдаетъ отчета даже и королю. Онъ вступаетъ въ борьбу, защищая его. Въ этотъ моментъ благодѣтелемъ, спасителемъ является человѣкъ, умѣющій биться и защищать другихъ и таковъ въ дѣйствительности характеръ новаго народившагося класса. На современномъ языкѣ дворянинъ значить воинъ, солдатъ (miles), и ему суждено положить второй устой новѣйшаго общества.

Въ десятомъ вѣкѣ на его происхожденіе не обращалось вниманія. Иногда это каролингскій графъ, получающій жалованье отъ короля, смѣлый владѣлецъ послѣднихъ франкскихъ земель. Здѣсь—воинственный епископъ, отважный аббатъ, тамъ—крещенный язычникъ, освѣщій на землю бандитъ, обогатившійся искатель приключеній, мужественный охотникъ, долгое время питавшійся дикими плодами и своей охотой *). Предки Роберта Сильнаго неизвѣстны и позднѣе будутъ рассказывать, что Капетинги происходятъ отъ парижскаго мясника. Какъ бы то ни было, дворяниномъ въ то время называли храбреца, человѣка, умѣвшаго владѣть оружіемъ, который во главѣ отряда вмѣсто того, чтобы бѣжать и платить выкупъ, собственной грудью защищалъ принадлежащій ему кусокъ земли. Чтобы нести такую службу не пужно имѣть предковъ, необходимо лишь обладать мужественнымъ сердцемъ и тогда самъ становишься предкомъ; общество слишкомъ счастливо, благодаря благамъ, доставляемымъ имъ, чтобы справляться у такого человѣка относительно его титула. Наконецъ, послѣ многихъ вѣковъ, въ каждомъ кантонѣ образовался вооруженный отрядъ, способный дать отпоръ нападенію кочующихъ народовъ; иноземцамъ теперь уже не такъ легко поживиться за чужой счетъ, та самая Европа, которая не могла противостоять флотилии двухпарусныхъ лодокъ, выбрасываетъ дѣсти тысячъ вооруженныхъ человѣкъ на азіатскій материкъ и отнынѣ на сѣверѣ, на югѣ, въ борьбѣ съ мусульманами и язычниками, вмѣсто пораженія она одерживаетъ побѣды. Во второй разъ вырисовывается идеальный образъ, образъ героя, который наряду съ образомъ святаго возбуждаетъ новое плодотворное чувство и сгруппировываетъ людей въ одно прочное общество. Чувство воинственности переходитъ отъ отца къ сыну. Каждый при рожденіи получаетъ свою наслѣдственную степень, свою мѣстную службу, свою награду въ видѣ имѣній, полную увѣренность, что никогда не будетъ покинутъ своимъ вождемъ и обязанность умереть за своего вождя. Въ эту эпоху постоянныхъ войнъ, могъ существовать только одинъ порядокъ, именно, быть постоянно готовымъ встрѣтить врага, и таковъ былъ дѣйствительно феодальный строй; по одной этой чертѣ вы можете судить, какимъ опасностямъ подвергалъ онъ и какія обязанности приходилось нести. „Въ то время, говорить всеобщая испанская хроника,

*) Напримѣръ, Тертуль, отпрыскъ Плантагенетовъ, Роллонъ герцогъ нормандскій, Гюкъ, аббатъ Сенъ-Мартенскій.

короли, графы, дворяне и все рыцари, чтобы не быть застигнутыми врасплохъ, держали лошадей въ вѣлѣ, гдѣ спали съ женой". Виконтъ въ башнѣ, защищавшей входъ въ долину или проходъ въ ущельи, маркизъ заброшенный на выжженной границѣ спитъ съ оружіемъ въ рукѣ, подобно американскому поселенцу на Дальнемъ Западѣ, посреди дикарей *Ciu*. Домъ его ничто иное какъ лагерь или убѣжище; полъ большой залы устилали соломой или охабкой листьевъ; здѣсь онъ спалъ въ обществѣ своихъ рыцарей, отстегнувъ мечъ, когда имѣлъ возможность уснуть; бойницы едва пропускали дневной свѣтъ, такъ какъ прежде всего заботились, чтобы въ нихъ не попадали стрѣлы. Все вкусы, все чувства подчинены службѣ; есть такіе пункты европейской границы, гдѣ ребенокъ четырнадцати лѣтъ участвуетъ уже въ походѣ, гдѣ вдова обязана до шестидесятилѣтняго возраста снова выйти замужъ. Людей, дабы пополнить потери въ рядахъ, людей на сторожевые посты для несенія службы—вотъ крикъ, исторгаемый въ этотъ моментъ всеми учрежденіями, подобно набатному призыву. Благодаря этимъ храбрецамъ, крестьянинъ находится подъ защитой; его уже не будутъ убивать больше, его уже не будутъ уводить въ плѣнъ вмѣстѣ съ его семьей, цѣлыми толпами, съ ярмомъ на шеѣ. Онъ уже отваживается заниматься земледѣліемъ, сѣять, надѣяться на урожай; въ случаѣ опасности, онъ знаетъ, что найдетъ защиту для себя, для своего зерна и для своего скота за крѣпкимъ тыномъ, у подножія крѣпости. Постепенно между военнымъ предводителемъ и крестьянами окружающихъ деревень устанавливается молчаливое соглашеніе, превращающееся въ соблюдаемый всеми обычай. Они работаютъ на него, обрабатываютъ его земли, починяютъ его экипажы, платятъ ему подати, иногда съ каждаго дома, иногда съ каждой головы скота, иногда за полученіе наслѣдства, иногда за продажу; ему вѣдь нужно кормить свое войско. Но получивъ свое, онъ совершаетъ уже несправедливость, если, изъ гордости или зависти, отнимаетъ у нихъ еще что-нибудь.—Что касается бродягъ, пищихъ, которые въ эту эпоху всеобщаго безпорядка и опустошенія приходятъ къ нему искать убѣжища, то ихъ положеніе гораздо хуже: земля принадлежитъ ему, такъ какъ безъ него она не была бы заселена; если онъ имъ отводитъ небольшой кусокъ, даже если онъ позволяетъ имъ только поселиться, или дать имъ работу или сѣмена для засѣянія поля, они становятся его рабами; куда бы они не ушли, онъ имѣетъ право схватить ихъ, и они будутъ отъ отца къ сыну его вѣчными слугами, употребляемые на ту работу, которую заблагоразсудитъ дать имъ ихъ повелитель, живущіе на его полномъ иждивеніи, не имѣющіе права передать своимъ дѣтямъ ничего, кромѣ лишь того, что послѣ смерти отца они будутъ продолжать его ремесло. „Не быть убитымъ“, говоритъ Стендаль, и имѣть зимою теплое платье изъ звѣриной шкуры, являлось для многихъ людей высшимъ счастьемъ въ десятомъ вѣкѣ; прибавимъ къ этому, что для женщины высшимъ счастьемъ было избѣгать насилія со стороны какой-нибудь бродячей шайки. Когда представишь себѣ нѣсколько лѣтъ положеніе людей въ ту эпоху, то начинаешь понимать, почему они съ охотой при-